

"Хай-тек — единственный универсальный язык человечества"

В Москву решать организационные вопросы приехал куратор будущей Московской биеннале Петер Вайбель. Художник круга венских акционистов, теоретик новых медиа и компьютерного искусства и глава ZKM (Центра искусства и медиатехнологий в Карлсруэ) объяснил Анне Толстой, почему модернизм остался в прошлом веке.

Чему будет посвящена следующая Московская биеннале современного искусства?

Прежде всего я хочу выяснить, что значит слово contemporary ("современный", "актуальный"). В наши дни буквально каждый месяц открывается какой-нибудь новый музей в Китае или где-либо еще, и все эти музеи называются Museum of Contemporary Art, а не Museum of Modern Art, как было раньше. Похоже, слово contemporary окончательно вытеснило слово modern ("современный", "модернистский"). И это значит, что мы наблюдаем конец эпохи modern art — эпохи искусства модернизма. В чем причина конца модернизма? Я думаю, дело в глобализации. Модернизм — это концепция культуры, порожденная западной цивилизацией. Он родился в России и Западной Европе, а потом был экспортирован в Северную Америку. И остался в XX веке. В современном многополярном мире возникли другие концепции культуры. Коль скоро мы все говорим про XXI век, давайте посмотрим, какие вызовы бросает нам культура этого XXI века. Я хотел бы показать Москве, в которой, собственно, и начиналось искусство модернизма, что такое современное искусство.

Какие же вызовы бросает нам культура XXI века?

Большинство людей сейчас чувствуют себя беспомощными перед лицом всех этих кризисов — в финансах, политике, климате, энергетике, образовании, здравоохранении. Человеку кажется, что от него ничего не зависит: он голосует — ничто не меняется. Вот, например, лифт: мы нажимаем кнопку, он приходит или не приходит, открывает двери или не открывает их — лифт ведет себя, как ему вздумается, и мы не можем на него повлиять. Древнегреческое слово, обозначающее беспомощность, — *amechania*. Антоним этого понятия — *mechania*: машины, механика, технология, которую изобретает человек, чтобы не быть беспомощным. Так что один из способов ответить на вызовы современности — это технология и технологическое искусство.

То есть живописи и скульптуры в вашем проекте мы не увидим?

Ну почему же. Живопись — это тоже технология. Любое искусство технологично, даже если его инструменты — кисть и краски. И меня интересует весь спектр технологий. Моя концепция основывается на понятии "агентство" из социальной теории: в отличие от структуры, жестко ограничивающей выбор и функции индивида, агентство предполагает свободу выбора и участия. Я думаю, что современное искусство должно функционировать как такое агентство, показывающее человеку все разнообразие возможностей и предлагающее сделать свой выбор, чтобы участвовать в преобразовании мира. Из этого следует, что художник больше не создает искусство один — он делает это вместе со зрителями. Он больше не актер на сцене — в шоу участвуем все мы. Искусство как агентство невозможно без соучастия публики, точно так же любая технология не может быть направлена на саму себя. Знаете, я за медиасправедливость. Я не отрицаю живописи или скульптуры. Но в истории искусства и в музеях так много живописи и скульптуры, что с точки зрения равного представительства будет неплохо, если я дам чуть больше места новым медиа. Хай-тек — это единственный универсальный язык человечества. Религии, человеческие языки — они не универсальны, разобщают и ведут к войнам. Язык технологии един для мужчин и женщин, мусульман и христиан, русских и китайцев.

Но ведь публика, как правило, консервативна и предпочитает старое, традиционное искусство искусству новых технологий.

Великий социолог Макс Вебер говорил, что из-за нынешнего уровня развития науки мы оказались в расколдованном мире. Отсюда все эти феноменологи и экзистенциалисты делают вывод, что мы должны

отказаться от науки и вернуться к религии, шаманизму и прочей чепухе, чтобы вновь околдовать мир. По моему, это ошибка. Мы по-прежнему живем в магическом, околдованном мире — и все это благодаря новым технологиям и новым медиа. Возьмите мобильный телефон: вы слышите голос человека, находящегося за сотни километров от вас, как будто его дух вселился в трубку, но вы вряд ли сможете мне сейчас объяснить, как работает мобильник. Я думаю, надо осознать, что наш виртуальный мир вновь стал очарованным.

Вы мастер делать ученые, академические выставки вроде блестящего проекта "Нотация" в Берлинской академии художеств, где были представлены разные системы записи художественных текстов — от записей танцев балетмейстеров XVIII века до видеодокументации перформансов. Куратора предыдущей биеннале Жан-Юбера Мартена упрекали в том, что его проект был слишком зрелищным. От вас никакого шоу ждать не стоит?

Ну да, "Нотация" была весьма научной выставкой: огромная исследовательская работа, уникальный материал, большой образовательный потенциал, высокая оценка критики. Только вот публика на нее что-то не ходила, и телевидение на открытие не приехало. СМИ не жалуют серьезное искусство — нужны известные имена, чтобы привлечь внимание массмедиа, потому что они создали свою культуру знаменитостей. Но я надеюсь привлечь массмедиа серьезным искусством без всяких шоу и звезд. Когда мы говорим о культуре спектакля, мы все еще представляем себе публичное пространство в виде большого собора посреди города. Но сегодня публичная сфера не едина, а множественна — вместо одного собора у нас сотни церквушек. Я не стану обращаться к аудитории собора — я вижу свою будущую выставку как систему таких маленьких часовен. И у нее не будет одной выставочной площадки — она будет рассредоточена по всей Москве: "Гараж", ЦУМ, где-нибудь еще.

У вас уже есть предварительный список художников? Сколько участников будет из России? Ведь в России не так уж много медиаартистов.

У нас будет приблизительно 80 художников, 20-25% из них будут русскими. Россия сделала очень много для развития новейших технологий, в частности программирования. Так что моя задача — собрать русских медиаартистов и дать им платформу для дальнейшей работы. Я примерно представляю себе, кто мне нужен, но все фигуры в этом списке в принципе заменяемы, как игроки в футболе. Вот когда список участников будет утвержден, тогда можно будет говорить о конкретных именах.

Как вы формируете этот список? Самостоятельно или с помощью консультантов?

Только сам. Смотрю каталоги, выставки; многие художники, узнав, что я назначен куратором следующей биеннале, шлют мне свои портфолио. Но еще предстоит большая селекционная работа.

Можно спросить вас о вашем собственном творчестве? Как вы перешли от перформанса к электронным медиа и компьютерному искусству?

Когда я занимался перформансом в 1960-е, я работал с телом, но несколько иначе, чем остальные. Все хотели освободить тело, я же хотел освободить себя самого от тела. Все тогда считали тело источником наслаждений, а я видел, что тело — это тюрьма, оно связывает: болеет, хочет есть. И единственная возможность побега из этой тюрьмы — технология. Маршалл Маклюэн говорил, что компьютер — это расширение мозга. Телефон, телевизор, компьютер — все это внешние органы, позволяющие выйти за пределы тела. С самого начала технология была частью моей работы с телом. "Tapp- und Tastkino" (перформанс "Кино щупай и трогай", в котором всем желающим предлагалось трогать обнаженную грудь VALIE EXPORT, скрытую под надетой на художницу коробкой, изображающей телевизор. — "Власть") было телесным перформансом, но речь все же шла о кино.

Это тот перформанс, который вы делали вместе с VALIE EXPORT?

Да, это была наша совместная работа, но, когда началась феминистская революция, моя роль была забыта. В одной книге о VALIE EXPORT упоминается, что мы делали перформансы вместе, а в остальных об этом не пишут, хотя даже на фотографиях видно, что мы находимся рядом. Феминистская критика игнорирует мужчин-художников, так они восстанавливают справедливость в отношении женщин.

В одном из ваших совместных перформансов вы выступили в роли первого человека-собаки: VALIE EXPORT водила вас по улицам на поводке. Как вы относитесь к творчеству нашего человека-собаки Олега Кулика?

Да видел я перформансы Олега Кулика, я даже был на той биеннале, где он выступал. Тогда Рената Салецл,

знаменитый философ и культуролог из Словении, прочла лекцию о "собачьих перформансах". И она говорила только о Кулике, хотя я был первым. Я от нее такого не ожидал: мы с ней старые друзья, и она прекрасно знает о наших с VALIE EXPORT перформансах. Но она тоже из феминистского лобби и предпочла не заметить моего участия. Арт-критика и история искусства — это, знаете ли, всегда какое-то лобби.

Занимаясь технологическим искусством, вы берете реванш? Ведь у женщин всегда хуже с техникой, чем у мужчин.

Да, к сожалению.

Сейчас говорят о возрождении перформанса. В чем, по-вашему, его причина?

Мы пережили череду революций. В середине XX века это был "лингвистический переворот" — была такая книга Ричарда Рорти, потом пришло время визуального переворота, как его назвал У. Дж. Т. Митчелл. Настала эпоха визуальных исследований: если раньше визуальные образы, создаваемые художником, не выходили за пределы истории искусства, то теперь художник попал в более широкое поле визуальной культуры — в поток визуальных образов, порождаемых массмедиа, медициной, точными науками. А сейчас на наших глазах происходит перформативный переворот. До XX века перформанс — исполнительское искусство — был делом музыканта и актера, в XX веке перформансом занялись художники, а в XXI веке перформанс стал работой для публики. На Московской биеннале я постараюсь показать, что значит публика в роли активного соучастника, перформансиста.

Вы уверены, что наша публика будет участвовать в этом перформансе?

Мне кажется, в современном многополярном мире Москва — идеальное место для экспериментов. В бурно развивающихся странах BRIC — Бразилии, России, Индии и Китае — есть дух невероятной интеллектуальной свободы. В Париже, Лондоне или Нью-Йорке выставка про современность невозможна: там художественная среда очень консервативна, связана обязательствами перед рынком и коллекционерами. Они заранее знают, каким должен быть современный художник. Когда я смотрю на коллекцию Франсуа Пино, я не вижу там ни одной современной работы.

О да. Москва — прекрасное место для экспериментов, мы тут просто захлебываемся от интеллектуальной свободы. Вы, наверное, слышали об обвинительном приговоре кураторам выставки "Запретное искусство"?

Но это как раз подтверждает мою мысль. Художник не делает искусство для себя самого. Искусство, как известно, способ коммуникации, оно осуществляется в публичном пространстве, а значит, публика имеет право на обсуждение — это правила игры. Что сделало Эйфелеву башню символом Парижа? Общественная дискуссия. То, что каждый парижанин — от академика до уличного торговца — ненавидел этого "уродливого железного монстра". Я позволю себе пошутить. В 1960-е годы в Вене у меня было всего шесть зрителей: венские акционисты из нашей компании — Отто Мюль, Рудольф Шварцкоглер, Гюнтер Брус, Германн Нитш — и те двое полицейских, что являлись нас арестовывать. Мы звали на свои акции друзей, но, вы не поверите, никто не приходил. Вам можно позавидовать: у вас еще возможна такая острая общественная дискуссия вокруг искусства. В Лондоне или Нью-Йорке людям скажут, что это искусство, они и успокоятся. У искусства не должно быть монополии на дискуссию, это недемократично. И потом, ваших кураторов всего лишь оштрафовали. Что же касается нас, венских акционистов, мы все посидели в тюрьмах и психушках — и это так называемый свободный Запад. Я не говорю о том, что нужно нарываться на скандал. Но раз пошла такая полемика — это большая удача. Серьезный художник, который работает не ради славы или денег, а чтобы сообщить свои идеи зрителю и оказать на него воздействие, должен радоваться тому, что его работу воспринимают настолько серьезно. Именно это подразумевает концепция агентства.

Я тоже позволю себе пошутить. Хотите общественную дискуссию — повторите выставку "Запретное искусство" на своей биеннале.

Так и сделаем!

Вы все шутите. Это потому, что вы родом из Одессы?

Я действительно родился в Одессе. Семья моего дяди — русские немцы — до сих пор живет в Сибири. Я никогда их не видел, но мы переписываемся. Моя мама родилась в Бессарабии и во время Второй мировой повстречала своего будущего мужа — он был немецким морским офицером и служил в Одессе. Отец не был немцем, он венгерский австриец, но после аншлюса его призвали в армию. В общем, у них был общий родной

язык. После того как они поженились и родился я, они решили не оставаться в Бессарабии, а уехать в Австрию. Я люблю дурачить людей, не знающих истории: рассказываю им, что тот ребенок в коляске на лестнице из фильма "Броненосец "Потемкин"" — это я. Но я не такой старый. Я родился в 1943-м.

Автор: Артур Скальский © Коммерсантъ-Власть КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 4378 14.08.2010, 11:21 🔄 276
URL: <https://babr24.com/?ADE=87788> Bytes: 12965 / 12853 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)